

Оригинальная статья / Original article

Конфликт интересов на государственной службе: факторы эффективного регулирования

© К.А. КРИКУНОВ

Крикунов Кристина Александра, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), kkrikunov@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5305-246X

Проанализирована эффективность регулирования конфликта интересов на государственной службе как одного из направлений антикоррупционной политики. Меры его регулирования, которые лежат в основе национальных антикоррупционных законодательств, определяют две модели – модель профессиональной культуры и модель запретов. В рамках первой из них предусмотрено повышение профессиональных стандартов для государственных служащих, вторая включает в себя строгие запреты и юридические санкции. Определены факторы, которые обеспечивают эффективность регулирования конфликта интересов на государственной службе. Проведен регрессионный анализ на основе данных, которые используют для формирования международных индексов восприятия коррупции и качества институтов, а также собранной базы стран по моделям регулирования конфликта интересов. Полученные результаты могут быть применены для разработки рекомендаций в целях формирования эффективного антикоррупционного регулирования.

Ключевые слова: конфликт интересов, антикоррупционная политика, административная коррупция, государственная служба, реформы

Цитирование: Крикунов К.А. (2024) Конфликт интересов на государственной службе: факторы эффективного регулирования // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 132–144. DOI: 10.31857/S0869049924010105, EDN: RNZJJE

Conflict of Interest in the Civil Service: Factors of Effective Regulation

© K. KRIKUNOV

Kristina A. Krikunov, HSE University (Moscow, Russia), kkrikunov@hse.ru. ORCID: 0000-0001-5305-246X

Abstract. The effectiveness of conflicts of interest regulation in the civil service as one of the directions of anti-corruption policy is analyzed. Conflicts of interest management measures that underlie national anti-corruption laws are defined as two models – integrity-based and compliance-based. The first of them provides for increasing the professional standards for civil servants, while the second one is a model of strict prohibitions and legal sanctions. Despite the complexity of assessing the level of corruption and the quality of conflicts of interest regulation, this task is important and inevitable for the subsequent assessment of the effectiveness of public administration. Therefore, the factors that are associated with the effectiveness of conflicts of interest regulation in public service are determined. A regression analysis was conducted based on the data used for the formation of the international indices of corruption perception and the quality of institutions, as well as from the collected database of countries on models of conflicts of interest regulation. In the long term, these results can be used to elaborate practical recommendations for effective anti-corruption regulation.

Keywords: conflicts of interest, anti-corruption policy, administrative corruption, civil service, reforms

Citation: Krikunov K.A. (2024) Conflicts of Interest in the Civil Service: Factors of Effective Regulation. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 132–144. DOI: 10.31857/S0869049924010105, EDN: RNZJJE (In Russ.)

Введение

Методы и подходы к оценке эффективности реформ в сфере регулирования конфликта интересов в настоящее время недостаточно разработаны [Min 2019]. Исследования осложняет противоречивость этого явления. В частности, множество научных работ посвящены этнической и племенной солидарности, которая связана с назначением на должности лиц одной социальной группы, родственной взаимовыручке с применением должностных полномочий и традициями дарения подарков [Dincer 2008]. В некоторых культурах подобные действия рассматривают как выражение почтения определенной социальной группе или проявление гостеприимства [Lee 2018]. С другой стороны, если «гостем» выступает должностное лицо, ситуация обретает двойкий смысл: это подарок или взятка? Подобные случаи сложно регулировать законодательно, поскольку традиции глубже укоренены в общественную жизнь, чем правовые нормы. Данная особенность создает препятствия для внедрения мер по регулированию конфликта интересов, а также для их изучения.

Большинство стран, которые принимали антикоррупционное законодательство или вносили в него поправки после 2003 г., ориентировались на рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Соответственно, государства используют схожие модели и меры регулирования конфликта интересов. Несмотря на единую логику их применения, они показывают разную эффективность в разных странах [Van den Heuvel et al. 2010; Demmke, Moilanen 2012; Крикунов 2019].

Возникает вопрос о влиянии внешних условий на применение таких мер. Почему одной стране для успешного регулирования конфликта интересов достаточно ввести

кодекс этики, а в другой коррупция сохраняется на высоком уровне даже после введения широкого антикоррупционного законодательства с санкциями в виде уголовной ответственности?

В данном контексте показательны кейсы Норвегии и Италии, в которых регулирование конфликта интересов соответствует логике модели профессиональной культуры (integrity-based). Несмотря на схожесть применяемых мер, эти государства достигают цели по предотвращению коррупции с разной степенью успешности. По индексу восприятия коррупции (СРІ, русск. – ИВК), который с 1995 г. рассчитывает международная неправительственная организация Transparency International¹, за 2021 г. Норвегия получила 85 баллов из 100 и заняла четвертое место в рейтинге. В то же время Италии присвоили только 56 балла, что соответствует 42-й позиции в данном списке.

В Сингапуре и Казахстане антикоррупционное регулирование построено на одних и тех же мерах в рамках модели следования правилам и запретов (compliance-based). Тем не менее в 2021 г. индекс ИВК для Сингапура составил 85 баллов, а для Казахстана – 37 баллов. Цель исследования – определить основные факторы, которые препятствуют регулированию конфликта интересов на государственной службе. В перспективе полученные результаты могут лечь в основу практических рекомендаций для эффективного антикоррупционного регулирования на базе существующих моделей.

Модели регулирования конфликта интересов

Руководство ОЭСР по регулированию конфликта интересов перечисляет меры по предотвращению коррупции на государственной службе. Их можно разделить на три группы в соответствии с подходами ОЭСР, каждая из них формирует определенную модель: модель следования правилам и запретов (compliance-based), модель профессиональной культуры (integrity-based) и адаптационную, в которой совмещены характеристики первых двух.

Предложенные ОЭСР подходы к регулированию конфликта интересов во многом основаны на научной дискуссии о специфике этического регулирования на государственной службе [Fox 2000; Hejka-Ekins 2000]. В ее основе лежит идея о том, что регулирование можно строить на строгих ограничениях и запретах либо обеспечить, чтобы поведение государственных служащих было основано на приверженности высоким профессиональным ценностям.

Американский политолог Дж. Рора в своей работе вывел три траектории регулирования: низкий путь, высокий путь и путь слияния. Низкий путь связан со строгим соответствием формальным правилам, Рор называет его «карательным путем, выступающим за тщательное внимание к тривиальным вопросам». Высокий путь, напротив, предполагает отказ от принудительных запретов, вместо которых предлагается развивать моральные ценности государственных служащих. В свою очередь путь слияния совмещает сильные стороны обеих моделей, что дает возможность постепенно развивать этические ценности, соблюдая при этом строгие правила [Rohr 1978].

По аналогии с подходами ОЭСР модель следования правилам представляет собой низкий путь: как модель запретов она основана на регламентах и корпоративном контроле за государственными служащими. Нарушение антикоррупционных норм часто карают уголовной ответственностью. В ее рамках принято регламентировать широкий круг вопросов: от получения подарков и наема родственников на посты в прямой должностной подотчетности до совместительства и декларирования доходов. Модель запретов предпо-

¹ Организация признана иноагентом в РФ. – прим. ред.

лагает преимущественно «закрытую» систему государственной службы (карьерный тип), где служащий подотчетен не обществу, а вышестоящему начальству.

Модель профессиональной культуры, как и высокий путь, напротив, связана с развитием высокой профессиональной этики служащих, в таком случае коррупционное поведение предотвращает не страх наказания, а именно высокие этические стандарты чиновника. Система открытого типа позволяет гражданскому обществу и средствам массовой информации отслеживать деятельность госслужащего благодаря открытому доступу к публичным декларациям. В странах, которые используют эту модель, существует практика инициации уголовных дел на основании опубликованных в СМИ расследований. Также эта модель дает возможность регулировать такие сферы, как трудоустройство после увольнения (*revolving doors*), политическая деятельность государственных служащих и служебные разоблачения (*whistleblowing*) [Крикунов 2019].

Эффективность антикоррупционного регулирования: институциональный аспект

Регулирование конфликта интересов – часть антикоррупционной политики страны, которая направлена на предотвращение коррупции среди государственных служащих. Изучая конфликт интересов, необходимо понимать причины коррупции.

Одной из основных причин ее появления и невозможности успешного антикоррупционного регулирования называют слабость институтов как правил игры, которые определяют рамки взаимодействий [North 1991]. Развитие институтов важно, потому что оно позволяет автоматизировать управление системой и избавляет от необходимости рассматривать каждый случай отдельно [Jain 2002]. Подобных инцидентов может быть очень много, что не позволит обеспечивать эффективную государственную политику. Иными словами, институты определяют степень социального поведения: чем лучше работает институт, тем меньше требуется вмешательство со стороны отдельных акторов [Forson et al. 2016]. Данное правило актуально для антикоррупционных реформ и принятых в их рамках мер по регулированию конфликта интересов. Можно предусматривать эффективные действия и детально прописывать законодательство, но, если институты в системе слабые, законы люди исполнять не будут.

В исследованиях выделяют еще один институциональный фактор, который затрудняет борьбу с коррупцией. Речь идет о дискреционных полномочиях и административных барьерах системы. Американский автор Р. Клитгард объяснил связи между дискреционными полномочиями и коррупцией через следующую взаимосвязь: коррупция складывается из суммы монополии и дискреционных полномочий за вычетом подотчетности [Klitgaard 1988].

Английский экономист А.К. Йен выделил несколько причин возникновения коррупции, которые проявляются одновременно: дискреционная власть государственных служащих, связь этой власти с экономической рентой и сдерживание из-за вероятности быть наказанным [Jain 2001]. Чиновник с дискреционными полномочиями постоянно будет находиться перед выбором, какое решение принять. Дискреционные полномочия выступают как коррупциогенный фактор, потому что при выборе возможных действий служащий может руководствоваться не общественными интересами, а частными. Третий фактор – сдерживание – означает наличие обратной зависимости между вероятностью коррупции и ее стоимостью.

Помимо дискреционных полномочий, причинами неэффективного антикоррупционного регулирования считают административные барьеры и гипертрофированную бюро-

кратическую систему [Tanzi 1998]. Подобные барьеры препятствуют достижению целей любой государственной политики, а антикоррупционную деятельность они превращают в замкнутый круг. Антикоррупционные нормы встраивают в существующее законодательство, но в условиях сложной нормативной системы (особенно в случае с подзаконными актами и внутриведомственными нормами), а также потенциальных юридических противоречий выполнить их затруднительно. Попытки повысить прозрачность деятельности государственных служащих в условиях неэффективной бюрократии только усугубляют ситуацию [Kaufmann, Wei 1999].

Описание базы данных

В исследовании в качестве зависимой переменной был использован ИВК. Данный индекс рассчитывают на основе экспертных оценок из 13 источников, которые в том числе учитывают использование государственных должностей в личных целях, nepo-тизм, систему регулирования конфликта интересов, функционирование законодательства о декларировании, взяточничество, преследование служащих за коррупционные деяния и др.

При включении в исследование ИВК нужно учитывать его ограничения. Первое из них связано с методологией подсчета: в 2012 г. был изменен подход к агрегированию экспертных оценок, из-за чего невозможно сравнивать данные по периодам до 2012 г. и после 2012 г. Второе концептуально важное ограничение связано с тем, что ИВК измеряет не уровень коррупции (это почти невозможно сделать из-за сложностей с отслеживанием неформальных практик), а то, как его воспринимают эксперты.

Тем не менее, по сравнению с другими индексами, связанными с оценкой коррупции, ИВК в большей степени подходит для данной страновой и временной выборки. Например, ежегодное социологическое исследование «Барометр коррупции» представляет измерения нерегулярно и включает не все исследуемые страны. Индекс общественной честности (Index of Public Integrity, IPI), который публикует Американский центр гражданской ответственности, также ограничен по количеству стран и имеет пропуски в данных². Также нерелевантен параметр «контроль коррупции», который входит в набор показателей качества государственного управления (КГУ, World Government Indicators, WGI), подготовленных Группой Всемирного банка. В данной работе несколько показателей из КГУ использованы для формирования независимой переменной «качество институтов», включая эффективность правительства (Government Effectiveness), качество регулирования (Regulatory Quality) и верховенство права (Rule of Law)³. Параметр «эффективность правительства» позволяет оценить восприятие государственных услуг и качество государственной службы (в частности, в сфере политической нейтральности), а также качество разработки и исполнения государственных программ. Показатель регуляторного качества отражает способность принимать и проводить государственную политику, которая соответствует целям развития частного сектора. Показатель верховенства закона связан с защитой прав собственности, исполнением контрактов и вероятностью совершения преступлений⁴. Перечисленные показатели были трансформированы в единый индекс при обращении к методу главных компонент, который позволил снизить размерность признакового пространства.

КГУ – не единственный индекс, который позволяет проанализировать качество институтов, однако выбор пал на него из-за полноты данных по странам и его временной

² Index of Public Integrity Methodology. Index of Public Integrity. (<https://corruptionrisk.org/ipi-methodology/>).

³ Worldwide Governance Indicators. The World Bank. (<http://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

⁴ Ibid.

актуальности. Было принято решение не использовать показатели Всемирного рейтинга качества институтов (World Institutional Quality Ranking, WIQR), так как данное исследование содержит данные только до 2010 г. Временное ограничение не позволяет выявить взаимосвязи, поскольку некоторые рассматриваемые страны приняли антикоррупционное законодательство позднее указанного срока (Китай – в 2012 г., Казахстан – в 2015 г.). Альтернативные индексы также не подходят для задач исследования: Оценка страновой политики и институтов (Country Policy and Institutional Assessment, CPIA) приводит данные только по развивающимся странам⁵, а периодичность выхода Индекса преобразования Бертельсмана (Bertelsmann Transformation Index, BTI) и количество стран в нем существенно ограничивают возможности анализа⁶.

Второй ключевой независимой переменной стали модели регулирования конфликта интересов, данные по которым были переведены в категориальную шкалу (1 – профессиональной культуры; 2 – запретов; 3 – адаптационную). В рамках количественного анализа каждый тип регулирования сравнивался с моделью профессиональной культуры в качестве базовой категории.

При формировании выборки были отобраны страны, законодательства которых соответствуют логике различных моделей регулирования конфликта интересов: профессиональной культуры (Австралия, Норвегия, Канада, Италия), запретов (Сингапур, Южная Корея, Китай, Япония, Турция, Казахстан, Индия) и адаптационной модели (США, Великобритания, Франция, Германия, Россия, Швейцария, Испания, Финляндия, Бразилия). Ограниченность выборки связана с тем, что база данных собиралась вручную на основе анализа нормативных правовых актов в сфере антикоррупционного регулирования. Однако сам выбор стран не случаен: во-первых, как уже было отмечено выше, в этих государствах есть профильные антикоррупционные законодательства по регулированию конфликта интересов, а информация по ним в полной мере представлена в международных рейтингах восприятия коррупции и качества институтов, что позволило собрать данные для анализа.

Контрольные переменные

В качестве контрольных переменных были отобраны следующие показатели:

1. Показатель политического режима в стране (Polity IV)⁷.
2. Показатель уровня урбанизации (данные по: Всемирные показатели развития, World Development Indicators, Всемирный банк)⁸.
3. Показатель уровня этнической фракционализации (данные из исследования Дж.Д. Фирона и Д.Д. Лэйтина «Этническая принадлежность, мятежи и гражданские войны» [Fearon, Laitin 2003]).
4. ВВП на душу населения (логарифмированный) (данные по: Всемирные показатели развития, World Development Indicators, Всемирный банк)⁹.

⁵ Country Policy and Institutional Assessment. The World Bank. (<https://databank.worldbank.org/source/country-policy-and-institutional-assessment>).

⁶ The Transformation Index. BTI. (<https://bti-project.org/en/?&cb=00000>).

⁷ Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013. (<https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>).

⁸ Urban population (% of total population). The World Bank. (<https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS>).

⁹ GDP per capita (current US\$). The World Bank. (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD>).

Описательные статистики используемых в модели переменных

Table 1

Descriptive statistics of variables used in the model

Переменные	Числ. набл.	Ср.	Стд. откл.	Мин.	25%	75%	Макс.
Индекс восприятия коррупции	117	63,99	20,28	27	43	82	90
Качество институтов	117	0,07	1,67	-3,04	-1,76	1,48	2,16
Индекс Polity IV	117	7,08	5,20	-7	8	10	10
Лог. ВВП на душу населения	117	10,22	0,97	7,28	9,44	10,87	11,54
Этническая фракционализация	117	0,32	0,23	0,004	0,10	0,50	0,81
Доля городского населения	117	76,84	14,06	31,63	73,74	84,84	100,00

Одно из научных направлений, в котором изучают возникновение коррупции, связано с режимными теориями. Неоднократно исследователи тестировали гипотезы о связи демократии с развитием коррупции. Демократию в таких работах часто рассматривают как многосоставное явление, которое отражают различные показатели: свобода слова и СМИ, уровень и доступность образования, доля женщин в органах государственной власти, открытость торговли, конкурентность выборов и др. [Dutta, Mukherjee 2016].

Подобные исследования показывают различные результаты. Часть авторов приходит к выводу, что свобода СМИ и высокий уровень образования связаны со снижением коррупции. В первую очередь демократический режим обеспечивает внешнюю подотчетность служащих и контроль со стороны общества. Демократии создают транспарентную систему, в которой легче проводить антикоррупционную политику и регулировать конфликт интересов [Anderson, Tverdova 2003]. С другой стороны, демократии построены по принципу сменяемости власти, что может вызывать обратный эффект и стимулировать возникновение коррупционного поведения. К примеру, приближение выборов и риск потерять должность могут усилить желание чиновника получить выгоду, что увеличивает количество неформальных практик [Rose-Ackerman 1996].

Вторая контрольная переменная модели – это доля городского населения в стране. Уровень урбанизации также часто используют во многих исследованиях, которые изучают причины коррупции. Предполагают, что в условиях городской среды проще отслеживать факты коррупции на фоне формализованных процедур [Goel, Nelson 2010]. Сторонники данных теорий зачастую делают допущение, согласно которому городское население более образовано и информировано, чем сельское [Goel, Nelson 2010], что потенциально увеличивает шансы на эффективное антикоррупционное регулирование.

Этническая фракционализация, которая выступает третьей контрольной переменной, тесно связана с возникновением коррупции и неэтичным поведением государственных служащих [Dincer 2008; Lee 2018]. При отсутствии квотирования для представителей этнических групп в различных публичных секторах, в частности на государственной службе, может сформироваться система nepotизма и патронажных сетей. В таком случае получение должности будет зависеть не от профессиональных качеств и успешного прохождения конкурса, а от принадлежности к той же этнической группе, что и, например, руководитель. Более того, этническая фракционализация в обществе приводит к неконкурентному распределению ресурсов (например, в части государственных закупок или предоставления налоговых льгот) [Dincer 2008].

Множество исследований посвящены влиянию экономического благосостояния на уровень коррупции. Исследователи связывают личное благосостояние государственных

служащих с коррупционным поведением [Azfar, Nelson 2007]. В случае, если антикоррупционная политика проводится в условиях низких доходов чиновников, растет вероятность нарушения законодательных и этических норм [Azfar, Nelson 2007]. С другой стороны, более богатые страны способны удовлетворить потребности широкого круга населения, что подталкивает чиновников отказаться от выбора неформальных практик [Qu et al. 2016].

«Качество институтов» в исследовании выступает базовой переменной, планируется проверить ее влияние на возникновение коррупции. Теоретические построения привели к выводу, что этот фактор стал наиболее распространенной причиной коррупции и сложностей при проведении антикоррупционных реформ. Неэффективная бюрократическая система, несоответствие мер заявленным целям и пренебрежение законодательством препятствуют успешному антикоррупционному регулированию. Соответственно, важно выявить, какая модель способна лучше справляться с регулированием конфликта интересов в условиях слабых институтов.

Результаты

Основные гипотезы исследования сформулированы следующим образом:

- *H1: высокое качество институтов ведет к более успешному регулированию конфликта интересов.*
- *H2: модель профессиональной культуры (integrity-based) будет успешно работать только в странах с высоким качеством институтов.*
- *H3: модель запретов (compliance-based) и адаптационная модель успешно работают при любом качестве институтов.*

Для тестирования был выбран метод множественного регрессионного анализа, который позволил выявить зависимость между видом модели регулирования конфликта интересов, качеством институтов и уровнем коррупции. Гипотезы были проверены на выборке из 20 стран с учетом панельной структуры данных (с 2012 по 2017 г. включительно). На этапе сбора данных было учтено, что, например, в Казахстане антикоррупционное законодательство было принято только в 2015 г., поэтому количество включенных в анализ наблюдений было сокращено.

Модель (1) – это базовая модель, где в качестве зависимой переменной используется ИВК, а в качестве независимой – вид модели регулирования конфликта интересов. Напомним, что модели КИ представлены в виде категориальных переменных: 1 – профессиональной культуры; 2 – запретов; 3 – адаптационная. Все результаты базовой модели сравниваются с первой из них – профессиональной культуры (integrity-based).

Результаты регрессионного анализа показывают, что, на первый взгляд, соответствие модели профессиональной культуры позволяет в целом в большей мере снизить проявления коррупции, по сравнению с другими моделями. Использование модели следования правилам обеспечивает регулирование в среднем на 19–20 пунктов ИВК ниже, чем модель профессиональной культуры. Похожая динамика отмечена и в случае с адаптационной моделью, однако интерпретировать данный эффект затруднительно ввиду отсутствия устойчивой статистической значимости.

Модель (2) сформировалась в результате поиска взаимосвязи между уровнем коррупции и качеством институтов. Здесь видна значительная положительная взаимосвязь между переменными: чем выше качество институтов, тем лучше политические системы справляются с регулированием коррупции.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа (множественная регрессия)

Table 2

Results of regression analysis (multiple regression)

	Индекс восприятия коррупции				
	OLS				PCSE
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
Модель следования правилам	-19,48***		1,33	2,40	2,40
	(4,92)		(1,12)	(1,39)	(3,03)
Адаптационная модель	-5,99		4,12***	4,40***	4,40***
	(4,65)		(1,05)	(1,22)	(1,23)
Качество институтов		11,91***	14,99***	13,99***	13,99***
		(0,23)	(0,66)	(0,91)	(0,89)
Индекс Polity IV				0,05	0,05
				(0,09)	(0,21)
Лог. ВВП на душу населения				0,0001*	0,0001
				(0,0000)	(0,0000)
Этническая фракционализация				0,67	0,67
				(1,79)	(3,85)
Доля городского населения				0,02	0,02
				(0,06)	(0,09)
Модель след. прав * кач. инст.			-4,14***	-4,12***	-4,12***
			(0,74)	(0,85)	(0,76)
Адаптац. модель * кач. инст.			-3,15***	-2,84***	-2,84***
			(0,72)	(0,85)	(0,84)
Константа	73,25***	63,11	59,97	54,66***	54,66***
	(3,87)	(0,38)	(0,93)	(5,68)	(7,83)
Observations	117	117	117	117	
R ²	0,14	0,96	0,97	0,97	
Adjusted R ²	0,13	0,96	0,97	0,97	
Residual Std. Error	18,97	4,06	3,55	3,55	
	(df = 114)	(df = 115)	(df = 1,11)	(df = 1,07)	
F Statistic	9,32***	2780,90	735,05***	409,64***	
	(df = 2; 114)	(df = 1; 115)	(df = 5; 111)	(df = 9; 107)	
Note:	*p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001				

Модель (3) рассматривает взаимодействие между моделями регулирования конфликта интересов, качеством институтов и уровнем коррупции. Стоит отметить, что в данном случае результат отличается от полученного на первом этапе (модель (1)). Напомним, что при включении только двух переменных (тип модели и уровень коррупции) лучший результат показывает модель профессиональной культуры. При добавлении переменных взаимодействия статистически результаты меняются. С одной стороны, они свидетельствуют в пользу того, что соответствие модели следования правилам позволяет лучше регулировать коррупционное поведение, чем соответствие адаптационной модели и модели профессиональной культуры, но только при учете исходного качества институтов (в обоих случаях

получен значимый статистический результат). Если не включать данный фактор, использование адаптационной модели дает возможность регулировать коррупционное поведение в среднем лучше, чем в случае применения модели профессиональной культуры, тогда как для модели следования правилам такой зависимости все же не наблюдается. Можно сделать вывод, что для максимально успешной антикоррупционной политики одних мер из модели следования правилам и запретов может быть недостаточно.

В модель (4) были включены контрольные переменные. Выявленные на третьем шаге взаимосвязи между ИВК, качеством институтов и моделями регулирования остаются неизменными. Контрольная переменная «Индекс Polity IV» демонстрирует положительную связь – чем политический режим демократичнее, тем выше CPI. Однако ее эффект незначителен, так же как и уровень этнической фракционализации и урбанизации. В то же время слабую связь с зависимой переменной демонстрирует логарифмированный уровень ВВП на душу населения. Данный факт подтверждает исходные предположения о том, что уровень экономического благосостояния может позитивно влиять на регулирование коррупции (впрочем, такое влияние следует в будущем детально изучить). Несмотря на указанные колебания, связи в полной модели, которые входят в зону изучения, остаются устойчивыми.

Модель (5) отличается от модели (4) только скорректированными результатами по стандартным ошибкам. Панельно скорректированные ошибки были введены, чтобы проверить модель на устойчивость. Никакого значимого эффекта, кроме скорректированных стандартных ошибок у части предикторов, не выявлено.

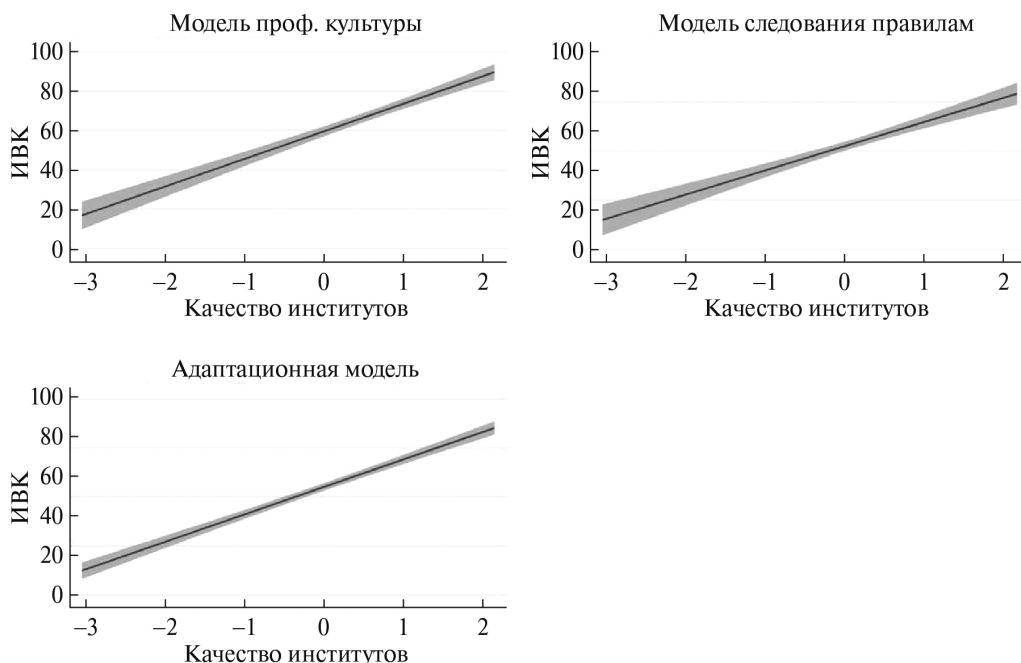

Рисунок 1. Предельные эффекты качества институтов на индекс восприятия коррупции в зависимости от моделей регулирования конфликта интересов

Figure 1. Marginal effects of institutional quality on the corruption perception index depending on conflict of interest management models

Отдельно следует отметить высокое значение коэффициента детерминации (R^2) в моделях ($\approx 0,96$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что качество институтов имеет высокую объяснительную силу в антикоррупционном регулировании. Более того, с таким ограничением сталкиваются практически все исследования, которые рассматривают связь между качеством институтов и коррупцией [Forson et al. 2016; Pellegrini 2011; Goel, Saunoris 2017]. Предшествующие исследования в качестве возможного решения предлагают увеличить количество наблюдений и ввести фиксированные эффекты, которые частично стабилизируют значения R^2 . Однако в рамках данной работы невозможно использовать эти параметры, поскольку категориальная переменная, закрепляющая модели регулирования конфликта интересов, не меняется во времени (в отличие от того же уровня коррупции, который может принимать разные значения ежегодно).

Таким образом, поставленные гипотезы частично подтвердились. Чем выше качество институтов, тем эффективнее можно регулировать конфликт интересов, что подтверждает первую гипотезу. Модель профессиональной культуры в условиях хороших институтов работает лучше других, хотя графики предельных эффектов с доверительными интервалами демонстрируют близость ее результатов с адаптационной моделью. Ее можно использовать в слабых институциональных условиях, однако эффективность в таком случае будет очевидно ниже, чем у других двух моделей.

В ситуации слабых институтов лучше всего себя показывает адаптационная модель. Соответственно, результаты эмпирического анализа частично подтверждают третью гипотезу. Модель следования правилам в случае взаимодействия с качественными институтами показывает себя незначительно хуже, однако при прочих равных условиях не отличается от модели профессиональной культуры по результатам модели (4). Ограничением для обобщения полученных результатов потенциально служит размер исходной выборки стран. Между тем, как представляется, даже она позволяет выявить рассматриваемые взаимосвязи с точки зрения количественного подхода.

Заключение

В научной литературе эффективность регулирования конфликта интересов недостаточно исследована, что подтверждается немногочисленностью работ в этой области и их противоречивостью. В то же время регулирование конфликта интересов считается одной из главных составляющих антикоррупционной политики. Изучать ее необходимо не только для расширения научного знания, но и для выработки практических рекомендаций при формировании государственной политики.

Данное исследование посвящено изучению институциональных факторов, которые могут влиять на антикоррупционную политику. Регрессионный анализ продемонстрировал, что качество институтов выступает одним из наиболее значимых факторов в этом процессе. Большое значение имеет выбор модели регулирования конфликта интересов.

Таким образом, чтобы выработать и проводить эффективную антикоррупционную политику в сфере регулирования конфликта интересов, необходимо учитывать следующие рекомендации. В случае хорошо работающих институтов лучше всего себя показывает модель профессиональной культуры, в частности меры по служебным разоблачениям, регулированию трудоустройства после увольнения, обеспечению политической нейтральности госслужащих, административной и гражданско-правовой ответственности (в сочетании с базовыми мерами). В ситуации неэффективно работающих институтов лучше ввести адаптационную модель, которая учитывает страновую специфику и включает в себя смешанные методы для решения конкретных проблем в сочетании с базовыми мерами.

Следующим шагом на пути к выработке стратегии успешной антикоррупционной политики может стать изучение неинституциональных факторов и того, как они влияют на эффективность моделей регулирования конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Крикунов К.А. (2019) Факторы эффективности мер регулирования конфликта интересов: опыт качественного анализа // Бизнес. Общество. Власть. № 1. С. 63–64.
- Krikunov K.A. (2019) Faktory effektivnosti mer regulirovaniya konflikta interesov: opyt kachestvennogo analiza [Factors of Effectiveness of Measures Regulating Conflicts of Interest: Experience of Qualitative Analysis]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'*. no. 1, pp. 63–64. (In Russ.).
- Anderson C.J., Tverdova Y.V. (2003) Corruption, Political Allegiances, and Attitudes toward Government in Contemporary Democracies // *American Journal of Political Science*. № 47. Pp. 91–109.
- Azfar O., Nelson W.R. (2007) Transparency, Wages, and the Separation of Powers: An Experimental Analysis of Corruption // *Public Choice*. No. 130. Pp. 471–493.
- Demmke C., Moilanen T. (2012) Effectiveness of Ethics and Good Governance in Central Administration of EU-27: Evaluating Reform Outcomes in the Context of the Financial Crisis. New York: Peter Lang. 58 p.
- Dincer O. (2008) Ethnic and Religious Diversity and Corruption // *Economics Letters*. No. 99. Pp. 98–102.
- Dutta N., Mukherjee D. (2016) Do Literacy and a Mature Democratic Regime Cure Corruption? // *Journal of Economic Development*. No. 41. Pp. 1–26.
- Fearon J., Laitin D. (2003) Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. No. 97. Pp. 75–90.
- Forson J. et al. (2016) Causes of Corruption: Evidence from sub-Saharan Africa // *South African Journal of Economic and Management Sciences*. No. 19. Pp. 562–578.
- Fox C. (2000) The Use of Philosophy in Administrative Ethics // In: *Handbook of Administrative Ethics*. Milton Park: Routledge. Pp. 131–156.
- Goel R., Nelson M. (2010) Causes of Corruption: History, Geography and Government // *Journal of Policy Modeling*. No. 32. Pp. 433–447.
- Goel R., Saunoris J. (2017) Political Uncertainty and International Corruption // *Applied Economics Letters*. No. 24. Pp. 1298–1306.
- Hejka-Ekins A. (2000) Ethics in in-Service Training // In: *Handbook of Administrative Ethics*. Milton Park: Routledge. Pp. 105–130.
- Jain A. (2001) Corruption: A Review // *Journal of Economic Surveys*. No. 15. Pp. 71–121.
- Kaufmann D., Wei S. (1999) Does “Grease Money” Speed up the Wheels of Commerce? NBER Working Paper No. w7093.
- Klitgaard R. (1988) *Controlling Corruption*. Berkeley: University of California Press. 230 p.
- Lee T. (2018) Pernicious Custom? Corruption, Culture, and the Efficacy of Anti-corruption Campaigning in China // *Crime, Law, and Social Change*. No. 70. Pp. 353–366.
- Maesschalck J. (2004) Approaches to Ethics Management in the Public Sector: A Proposed Extension of the Compliance-integrity Continuum // *Public Integrity*. No. 7. Pp. 20–41.
- Min K. (2019) The Effectiveness of Anti-corruption Policies: Measuring the Impact of Anti-corruption Policies on Integrity in the Public Organizations of South Korea // *Crime, Law, and Social Change*. No. 71. Pp. 217–239.
- North D. (1991) *Institutions* // *Journal of Economic Perspectives*. No. 5. Pp. 97–112.
- Pellegrini L. (2011) Causes of Corruption: A Survey of Cross-country Analyses and Extended Results // In: *Corruption, Development, and the Environment*. Dordrecht: Springer. Pp. 29–51.

Qu, G., Sylwester, K., Wang F. (2018) Anticorruption and Growth: Evidence from China // European Journal of Political Economy. No. 55. Pp. 373–390.

Rose-Ackerman S. (1996) Democracy and “Grand” Corruption // International Social Science Journal. No. 48. Pp. 365–380.

Rohr J.A. (1978) Ethics for Bureaucrats: An Essay on Law and Values. New York: Marchel Dekker.

Информация об авторе

Крикунов Кристина Александра, аспирантка Школы по политическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: kkrikunov@hse.ru

About the author

Kristina A. Krikunov, Ph.D. Student, Doctoral School of Political Science, HSE University. Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000. E-mail: kkrikunov@hse.ru

Статья поступила в редакцию/Received: 16.07.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки/Revised: 30.05.2023

Статья принята к публикации/Accepted: 09.02.2024